

можным отвечать, но на два вопроса мы считаем нужным ответить в журнале, ибо это — вопросы общего характера.

Первый вопрос: Издается ли журнал «КГ» какой-нибудь организацией? Если нет организации, то не собирается ли редакция создать таковую?

Отвечаем: «КГ» не является органом организации. Он издается частными лицами, исповедующими определенную казачью идею. Чтобы журнал не связывать с какой-либо организацией, инициатор этого дела, Ш. Н. Балинов, вышел из состава ВК-КН.

Никакой организации мы создавать не собираемся. Наша задача — проповедывать нашу идею. Разумеется, люди у нас будут, но не для эмигрантских словопрений, а для осуществления, в нужное время, политической работы.

Второй вопрос: Почему мы не определяем границы будущего нашего казачьего государства или государств?

Ответ: Считаем это совершенно лиш-

ним. Прежде всего перед нами стоит задача освобождения своих Краев, а не проведения границы. Освобождение же придет через борьбу, следовательно, к ней нужно готовиться. Считаем черчение границы лишним еще потому, что мы глубоко верим в разум и силу Казачества, которое, после освобождения, сумеет, совместно со своими соседями, провести эти самые границы, положив в основу искреннее взаимное доброжелательство и этнографическое расселение населения в наших Краях.

Мы свою цель определяем кратко: освобождение Дона и Кубани из под власти Москвы и созыв: на Дону — Донского Круга, на Кубани — Кубанской Рады, как суверенных Учредительных Собраний, над волей которых нет никакой иной высшей воли.

А все дальнейшее будет зависеть от Круга и Рады. Мы им верим и безусловно признаем их высший авторитет.

МИХ. ЛАЗАРЕНКОВ.

Проверка трезвостью

Самое вредное в политике это — наивный романтизм, беспочвенная фантастика в ущерб реальности. Основная задача политика — правильно анализировать ситуацию и использовать ее в интересах своей идеи. Таковы азбучные истины, преподаваемые наукой о политике. С точки зрения этих требований, не мешает каждому политическому коллективу или индивидууму время от времени проверять свою деятельность, чтобы не уклониться от пути и не отдалиться от цели. Так ведущие судна проверяют направление компасом.

Скоро исполняется десятая годовщина возникновения Вольноказачьего движения. Приближается время проявления некоторыми всяческого энтузиазма. Как всегда, едва ли много будет тех, кто спокойно задаст в эти дни весьма уместные к случаю вопросы: «Что же за эти десять лет нами достигнуто; если не достигнуто, то почему?».

Десять лет время не малое. Лучшие годы, когда молодой, но уже зрелый, активный ум человека жадно ищет духовной пищи и лучших дел, прошли у многих из нас

в безоглядном служении идее Вольного Казачества.

Много воды утекло с тех пор, многое на наших глазах изменилось на свете, и пора нам оглянуться на пройденный отрезок пути, объективно подвести итог нашей десятилетней работе и бросить на чаши весов наши положительные и отрицательные достижения.

Подхалимажные оды и барабанную дробь оставляя на долю новичков и пленников ложного энтузиазма, к нашему десятилетнему юбилею поставим публично вышеступившие вопросы и по справедливости разберем сегодняшнее состояние Вольного Казачества, как результат нашей общей десятилетней непрерывной работы.

Провозглашение известного лозунга, как краткого выражения идеи, обозначение основной цели, а потом намечание путей и средств достижения ее, как известно, является только исходным положением, первоначальным актом и отправной точкой всякого политического течения.

Идея вольных казаков (националистов)

была сформулирована буквально в следующих выражениях: «Освобождение Дона и Кубани из под власти РСФСР и СССР». (См. № 1 жур. «Вольное Казачество»). Переходя дальше к обозначению путей и средств достижения цели, в этой же программной передовице говорилось: «Как ни трудна все же эта задача, она не невыполнима. Для нас она облегчается тем, что такая же задача стоит сейчас и перед другими казачьими землями, и перед Украиной, и перед Кавказскими народами и перед другими, — то наши естественные союзники... Самостийность мы понимаем не как изоляцию, — союзников и друзей искать себе будем, но только на основе вольный с вольным, равный с равным».

Так кратко и ясно была обозначена наша основная цель (освобождение Дона и Кубани), и так определены ближайшие задачи.

Таков был наш исходный момент, первоначальный акт. С этого началась наша работа. Отсюда наше движение должно было идти от успеха к успеху, внутренне обогащаясь казачьими силами, укрепляя свое положение во вне приобретениями союзников, что и означало бы реальное достижение, приближающее нас к основной цели.

С тех пор проработали мы 10 лет. Каково же положение Вольного Казачества к данному моменту, ко времени десятой годовщины выхода на общественно-политическую арену? Чего мы за это время достигли? На что конкретно можно указать пальцем, как на несомненный успех, приближающий нас к цели, или, хотя бы, увеличивающий наши шансы?..

Увы!.. Печален наш ответ. Тем более печален, что приходится его давать под шум беспочвенного энтузиазма одних, пустого бахвальства других.

А на самом деле, словно Прутковский барон Грюнвальдус, десятый год мы сидим на том же камне. Если есть разница, то не в нашу пользу. Почтенный барон просто сидел, а мы еще руки и ноги придавили такими камнями, поднять кои не в силах.

Странное и непонятное случилось с Вольным Казачеством!..

Ясную и достижимую цель, незаметно для себя, видоизменили в сторону невероятного расширения и довели ее до фантастических размеров. К задаче освобождения Дона и Кубани прибавили задачу освобождения еще 3-х войск, где казачье население является незначительным меньшинством и

которое само не проявляет никаких признаков положительного восприятия нашей идеи освобождения из под власти России.

Естественным результатом такого легкомысленного расширения нашей задачи первым делом было то, что большинство казачества, сперва с вниманием отнесшееся к движению, воздержалось от присоединения к нему, особенно казаки других войск, кроме Дона и Кубани.

Вторым естественным результатом такого расширения нашей задачи было то, что при такой постановке мы лишились возможности договориться (т. е. быть в союзе) с нашими соседями. Ущемив их национальные права и интересы на их исконных землях, из «естественных союзников», как сказано выше, сделали их нашими врагами, т. е. не улучшили свое положение во вне, а ухудшили.

В довершение бед, в результате не только неумелого, но и недостойного поведения возглавления, единое и монолитное движение разложилось на враждебные лагеря, которые, к стыду нашему, проявляют явные тенденции к дальнейшему... «размножению посредством деления».

А кругом нас, вместе доброжелателей и «естественных союзников» — враги: на востоке национальные движения идель-уральцев и туркестанцев из за Оренбурга и Урала; на юге — горцы Кавказа из за Терека; на западе невыясненные отношения с Украиной, а на севере... Россия.

Вот почему положение казачьего национального движения всегда требовало и требует чрезвычайно осторожного отношения, и односторонним актом увеличивать при таком положении карту нашей территории чуть ли не втрое против первоначально намеченного размера было легкомыслие, если не провокация.

Мы находим, что таким чрезмерным расширением нашей карты, вполне разрешимую и спасительную для нас задачу мы заменили беспочвенной и эгоистической иллюзией. Благодаря нашей карте великой Казакии, мы находимся в положении того мальчика у кувшина, который не в состоянии вытянуть из него руку, захватившую больше чем следует и не желает сбросить часть орехов.

А между тем каждый месяц приближает нас к роковой развязке, когда мы можем остаться вне событий.

Можно быть каким угодно оптимистом, можно закатывать какие угодно юбилейные хвалебные речи по адресу любителя лести

и подхалмства или строчить ему такие же письма, но действительное положение от этого не меняется.

Из этого положения необходимо выйти. После полагающихся юбилейных восторгов, пора, братцы, задуматься над истинным положением вещей и искать путей улучшения, ибо так сидеть и дальше уже невозможно, нет никакого политического смысла. Нужно найти главные причины, приведшие нас к изоляции, и устранить их.

По нашему мнению, причина нашего застоя в том, что мы, не ограничиваясь естественной задачей освобождения своих собственных земель (Дона, Кубани и Калмыкии), «захватили» и Терек, и Урал, и Оренбург, не считаясь ни с настроением самих казаков тех войск, ни с местными аборигенами краев — татарами, киргиз-казахами и горцами, среди которых казачий элемент составляет меньшинство.

Мы думаем, что мы, для того, чтобы привлечь большинство казачества и найти среди соседних народов друзей, должны были сохранить наши цели в реальных рамках, не осложняя нашу и без того трудную задачу новыми неразрешимыми вопросами.

Карта великой Казакии льстит нашему самолюбию, национальному эгоизму и сводит нас с реальной платформы. Никто не думает задать себе уместный вопрос: «А по плечу ли нам такая задача?» После такой грандиозной драмы, какую Казачество пережило, и такого организованного кровопускания, какое провели над нами большевики, способны ли мы освоить и сохранить такую большую территорию, почти все окраины которой много лет должны будут жить под режимом военной оккупации? Никто не хочет вспомнить о том, как на Казачество была взвалена непосильная задача покорения всего русского народа и восстановления единой и неделимой России и тем была проиграна почти выигранная для себя война.

Если Деникин видел тогда, что большевиков ему не победить, а Казачество может освободиться навсегда из под России, — он ничего лучшего не мог придумать, как двинуть Казачество на Россию, чтобы оно осталось в ней хотя бы под красным правительством. Так и теперь: если бы Билому было поручено манить казаков лозунгом свободы, духовно оторвать их от русской государственности, но в то же время не доводить движение до действительного укрепления, до состояния прочного политического фактора, то лучшего способа он придумать не мог. И действительно: никто его упрекнуть не мо-

жет, так как он ставит максимальную задачу великой Казакии, а тех, кто вздумает возражать, он будет бить такими аргументами, как — «предательство», «раздача казачьих земель» и т. п. Недаром все провокаторы одеваются в самые яркие цвета той среды, где они работают. Если к таким мыслям прибавить его выдающуюся роль в разложении собственных внутренних сил Вольноказачьего движения, то картина получится столь же поразительная, сколь и гнусная.

Но свалить вину на одного, может быть сознательно действующего человека, это не оправдание нам самим. Этим путем мы не уйдем от суда совести и истории. Обвинять дьявола-искусителя — недостаточное оправдание собственного греха. Дьявол на то и дьявол, чтобы соблазнять, но человек с головой и сердцем должен противостоять и не сбиваться с пути истины.

Мы, казацкие националисты, не сумели в свое время противостоять. Перед нашим взором начертили заманчивую карту, приятно щекочущую наш национальный эгоизм, и мы оказались загипнотизированными. Занимаясь политикой, мы забыли главное ее правило — вращаться в мире действительном, а не витать в облаках. Никто из нас своевременно не подумал на тему: нет ли в акте неожиданного и необоснованного расширения нашей карты до грандиозных размеров злого умысла или глупости?

Если мы, хотя бы, так называемые — передовые элементы движения, своевременно и честно задали бы себе эти вопросы, то наверно многие из нас должны были бы констатировать:

а) что мы, казаки, сравнительно недавно оказались на Кавказе, как авангард армии Российской Империи и что наше там положение обеспечивалось наличием за нашей спиной могущественной Рос. Империи;

б) что в будущем, когда мы эту же Россию имея за спиной в качестве враждебного фактора, одновременно вступим в борьбу со всеми теми народами на Тереке, на Урале и Оренбурге (а заодно и с теми, кто за их спиной!), то обстановка для нас сложится безнадежная. Мы просто не увидим никакой свободы.

Нужно иметь мужество признаться, что в том факте, что подобные вопросы не задали мы своевременно, сказалась наша политическая молодость, привычка решать вопросы воинственным кличем, нежели трезвым анализом.

Но, как говорится — «лучше поздно, чем

никогда»; пробуждение позднее все же — пробуждение. Мы ставим вопрос открыто: надо вернуться нам по территориальному вопросу к нашему первоначальному размеру, намеченному в первом номере «Вольного Казачества», дополнив ее Калмыкией, в лице «ХТТ» добровольно идущей с национальным Казачеством.

Разумеется, мы знаем, что со стороны некоторых «защитников всеказачьих интересов» на нашу голову посыпятся всякие обвинения. Но не к ним мы обращаемся. Мы обращаем свой вопрос к тем казакам-националистам, которые способны отличать реальную постановку вопроса от фантастического.

В нашем положении важно освободить наше собственное территориальное ядро, коренную базу народа, не затрудняя и без того трудное дело вопросом о казачьей соборности. Важно стать на крепкие ноги на собственной территории в качестве полного хозяина, а потом уже думать о защите интересов наших выходцев в иных краях. Было бы самостоятельное казачье государство, никакие пути не заказаны для защиты интересов тех казаков, которые не вошли в состав своего государства. В наше время

нет ни одного народа, который жил бы только в пределах своего государства.

Действительная обстановка и интерес нашего дела (Вольноказ. движ.) повелевает нам — ограничиться задачей освобождения только своих земель — Дона, Кубани, Калмыкии. Эта территория вполне достаточна для нашего политического и экономического процветания.

Всякое расширение задачи за эти пределы будет опасной ошибкой или злым умыслом. Ошибку мы уже понесли, но есть еще время ее исправить и тем предотвратить печальные последствия.

Должны мы раз и навсегда запомнить, что договоренность с нашими однородно заинтересованными соседями на востоке, юге, и западе это — все. Без консолидации с ними наших сил и действий, дело нам не выиграть. Особенно на этот вопрос обращаем внимание руководящих сил движения, для которых успех или неуспех движения слишком много значит. Не песни, не барабанный бой, не ложный энтузиазм от нас требуется, а объективный анализ, трезвый подход и надлежащие выводы.

Мих. Лазаренков.

1937.УШ.

МИМОХОДОВ.

Больной вопрос

Перед российской эмиграцией сейчас стал во весь рост тяжкий вопрос, что же такое происходит в ее среде? Похитили главу крупнейшей организации РОВС, ген. Кутелова. Сейчас той же участи подвергся и следующий его возглавитель — ген. Миллер. И, оказывается, оба эти преступления совершены при участии ближайших сотрудников названных шефов. Один из сотрудников-похитителей, ген. Скоблин, игравший важную роль в самом центре РОВС, ныне сбежал. Важно, что, будучи давно подозреваем в работе на большевиков, этот тип, тем не менее, пользовался доверием центра РОВС и занимал ответственный в нем пост. Почему это было так? Давно было известно, что в РОВС не все благополучно, что он разлагается, что он сгнил. Сознавали это, видимо, и некоторые из руководителей организации, иначе зачем было создавать пре-

словутую «внутреннюю линию», предназначенную для защиты РОВС от проникновения провокаторских элементов?

Сейчас мы присутствуем при развертывании такой тяжелой картины разложения российских «патриотических» организаций, что вчуже делается и тошно и больно. Где же та «идея белой борьбы», носителями которой провозгласили себя с такой помпой эти организации?

Несмотря на то, что мы являемся политическими противниками указанных организаций, все же, во имя чувства чести и человеческого достоинства, мы не можем не скорбеть душой при виде разыгрывающейся перед нашими глазами тяжелой и глубоко печальной трагикомедии. Мы не можем пройти без душевной боли мимо нее еще и потому, что так или иначе и мы были тесно связаны с «белой идеей» и мы под общим